

Baron de Talleyrand

ТАЛЕЙРАНЪ.

Publié par Furne, à Paris.

ИСТОРИЯ
КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ
ВО
ФРАНЦИИ.

5(4)2
T943

N 023

ИСТОРИЯ
КОНСУЛЬСТВА
И
ИМПЕРИИ

1849 г.
19561

8828

1863
1868

ВО

ИСТОРИЯ
ФРАНЦИИ.

Сочиненіе А. Тьера.

Переводъ О. Копи.

ТОМЪ IV.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

Библ.-Финанс. ССР.
УЧЕБНИК
Госуд. Трехклас. Училища
С. ПЕТЕРБУРГ
проспект Девкина № 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1848.

консулъство.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

=

СЕКУЛАРИЗАЦІИ.

СЪ АВГУСТА 1802 ДО МАЯ 1803 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТНАДЦАТОЙ КНИГИ.

Поздравленія всѣхъ европейскихъ кабинетовъ съ избраніемъ генерала Бонапарте въ пожизненные Консулы.

Первыя послѣдствія мира въ Англіи. — Британское купечество требуетъ заключенія съ Франціею торговаго трактата.

Неудобство согласить меркательные виды обонхъ государствъ.

Панфлеты противъ Перваго Консула, распущенные въ Лондонѣ французскими эмигрантами.

Возстановленіе дружелолюбныхъ отношеній между Франціею и Испаніею.

Желаніе Мадритскаго Двора присоединить герцогство Пармское къ королевству Этрурскому. — Необходимость отсрочить окончательное рѣшеніе на этотъ счетъ.

Рѣшительное присоединеніе Пиемонта къ Франціи.

Новая политика Перваго Консула относительно Италіи.

Превосходныя отношенія Франціи къ Римскому Престолу.

Минутное сопротивленіе по случаю провозглашенія французскихъ кардиналовъ. — Первый Консулъ возводитъ въ кардинальское достоинство пятерыхъ разомъ. — Онъ даритъ Папѣ два военные брига, бригъ «Св. Петръ» и бригъ «Св. Павелъ».

Ссора съ Алжирскимъ Деємъ, быстро прекращенная.

Смятенія въ Швейцаріи. — Опасенія этой страны и ея олигархическая конституція.

Прибытіе въ Парижъ Ландмана Рединга. — Обѣщанія, данныя имъ Первому Консулу и вскорѣ на дѣлѣ неисполненныя.

Изгнаніе Ландмана Рединга; верховная власть снова переходитъ въ руки умеренной партіи.

Основанія конституціи 29-го мая; опасенія новыхъ смутъ, вслѣдствіе слабости швейцарскаго правительства.

Усилия партіи олигарховъ обратить на Швейцарію вниманіе европейскихъ державъ. — Но вниманіе Европы исключительно занято дѣлами Германіи.

Состояніе Германіи, вслѣдствіе Люневильскаго трактата.

Правила секуляризацій, предписываемыя этимъ трактатомъ.

Уничтоженіе духовныхъ владѣній производитъ великія перемѣны въ германской конституціи. — Изложеніе этой конституціи.

ПАРТІЯ ПРОТЕСТАНТСКАЯ И ПАРТІЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ; ПРУССІЯ И АВСТРІЯ; ИХЪ РАЗЛИЧНЫЯ ПРИТЯЗАНІЯ.

Пространство и цѣнность владѣній, подлежащихъ раздѣлу.

АВСТРІЯ силится заставить вознаградить эрцгерцоговъ, лишенныхъ владѣній въ Италіи и, пользуясь этимъ поводомъ, завладѣваетъ Баваріею до Инна и Изера.

ПРУССІЯ, подъ предлогомъ вознагражденія за то, чего она лишилась на Рейнѣ, и для доставленія вознагражденія дому Оранскому, силится создать себѣ значительное владѣніе во Франконіи.

Отчаяніе мелкихъ дворовъ, угрожаемыхъ честолюбіемъ сильныхъ. — Всѣ взоры въ Германіи обращаются на Перваго Консула.

Онъ рѣшается вмѣшаться въ дѣло и заставить исполнить Люневильскій трактатъ, и тѣмъ остановить неудовольствіе, которое ежеминутно можетъ воспламенить всю Европу.

Онъ избираетъ сторону Пруссіи и въ нѣкоторой степени поддерживаеетъ притязанія этой державы.

Проектъ вознагражденій, составленный, сообща съ Пруссіею и съ мелкими германскими князьями.

Проектъ этотъ сообщается Россіи. — Предложеніе Русскому Двору принять вмѣстѣ съ Франціею посредничество въ этомъ дѣлѣ.

Императоръ Александръ принимаетъ предложеніе.

Франція и Россія, какъ посредничающія державы, представляютъ Регенсбургскому Сейму проектъ вознагражденій, составленный въ Парижѣ.

Отчаяніе Австріи, оставленной всеми кабинетами. Она рѣшается противопоставить проекту Перваго Консула всю медленность формъ германской конституціи.

Первый Консулъ разрушаетъ этотъ замысль и, сдѣлавъ нѣкоторыя перемѣны, заставляетъ чрезвычайную депутацію принять предложенный планъ.

Австрія, чтобы запугать прусскую партію, поддерживаемую Франціею, велитъ занять Пассау.

Быстрое рѣшеніе Перваго Консула и угроза прибѣгнуть къ оружію. — Всеобщій испугъ.

Продолженіе переговоровъ. — Пренія Сейма.

Проектъ остается на минуту неисполненнымъ по случаю жалности Пруссіи.

Первый Консулъ, чтобы кончить дѣло, соглашается на уступку въ пользу Австрійскаго Дома: онъ назначаетъ ему Эйхштедское епископство.

Вѣнский Дворъ сдается и принимаетъ рѣшеніе Сейма.

Имперскій протоколъ (рецессъ) 1803 года, и рѣшительное окончаніе германскихъ дѣлъ.

Характеръ этой прекрасной и трудной политической операціи.

ИСТОРІЯ

КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ

ВО ФРАНЦІИ.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

СЕКУЛАРИЗАЦІИ.

Возвышеніе генарала Бонапарте до верхней власти, подъ титломъ Пожизненнаго Консула, не изумило и не оскорбило европейскихъ кабинетомъ. Напротивъ, большая часть изъ нихъ видѣли въ этомъ возвышеніи новый залогъ спокойствія для всѣхъ державъ.

Поздравленія европейскихъ державъ, по случаю возведенія генерала Бонапарте въ достоинство Пожизненнаго Консула.

Англія.

Въ Англіи, гдѣ съ тайнымъ безпокойствомъ наблюдали за всѣмъ, что происходило во Франціи, Аддингтонъ успѣвши выразить г. Отто удовольствіе британскаго правительства и полное одобреніе событія, которое должно упрочить во Франціи власть и порядокъ.

Хотя честолюбіе генерала Бонапарте начинало уже безпокоить многихъ, но ему пока еще прощали, потому что это честолюбіе служило къ укрощенію Французской Революціи.

Возстановленіе алтарей, возвращеніе эмигрантовъ, приводили англійскую аристократію въ восторгъ и, въ особенности, восхищали Георга III.

Въ Пруссіи показывали не менѣе знаковъ удовольствія.

Пруссія.

Дворъ этотъ, потерявшій уваженіе европейской политики за то, что онъ заключилъ миръ съ Національнымъ Конвентомъ, теперь гордился своею связью съ правительствомъ геніальнымъ и почиталъ себя счастливымъ, видя, что дѣла Франціи находятся въ рукахъ человека, въ которомъ Пруссія искала поддержки для своихъ честолюбивыхъ видовъ на Германію.

Министръ Гаухвицъ съ живѣйшимъ чувствомъ поздравлялъ французскаго посланника и даже сказалъ, что лучше было-бы сразу кончить дѣло и тотчасъ же обратиться пожизненную диктатуру, дарованную Первому Консулу, въ наследственную монархическую власть.

Россія.

Императоръ Александръ, который показывалъ видъ, что онъ совершенно чуждъ предразсудковъ и велъ съ главою французскаго правительства постоянную и частую переписку, выразился о новыхъ перемѣнахъ самымъ благосклоннымъ и льстивымъ образомъ.

Онъ приказалъ поздравить новаго Пожизненнаго Консула со всѣми знаками участія и восхищенія.

Основа идей была все та же. Въ Петербургѣ, какъ и въ Берлинѣ и Лондонѣ радовались, что устройство Франціи прочно обезпечено неопредѣленнымъ срокомъ владычества Перваго Консула.

Австрія.

Даже въ Вѣнѣ, гдѣ болѣе всего чувствовали удары, нанесенные мечемъ побѣдителя при Маренго, по видимому рождалось родъ личнаго расположенія къ нему. Ненависть къ Революціи была такъ сильна въ столицѣ древней Германской Имперіи, что могучему и энергическому правителю охотно прощали побѣды полководца.

Тамъ почитали его правительство рѣшительно противореволюціоннымъ, тогда-какъ оно было только возстановительное.

Эрцгерцогъ Карлъ, который въ то время управлялъ военнымъ департаментомъ, говорилъ французскому послу, Шампаньи, что Первый Консулъ своими кампаніями доказалъ, что онъ величайшій полководецъ новѣйшихъ временъ; а трехлѣтнимъ управленіемъ, что онъ искусѣйшій изъ всѣхъ современныхъ государственныхъ людей, и что соединивъ, такимъ образомъ, подвиги военные съ заслугами правительственными, онъ запечатлѣлъ свою славу навсегда.

Но еще страннѣе покажется, что знаменитая королева Неапольская, Королева, мать императрицы Австрійской и заклятая непріятельница Революціи и Франціи, находясь въ Вѣнѣ и принимая у себя Шампаньи, самымъ неожиданнымъ образомъ поразила его своими поздравленіями на счетъ Перваго Консула.

Неаполь.

«Генераль Бонапарте»—говорила она; «великій человекъ. Онъ причинилъ мнѣ много зла, но это зло не помѣшаетъ мнѣ признать его геніальность. Обуздавъ безпорядки во Франціи, онъ оказалъ намъ всѣмъ услугу. Если онъ достигъ до вершины правленія, то онъ этаго достоинѣе всѣхъ въ вашемъ отечествѣ. Я каждый день «выставляю его въ образецъ молодымъ принцамъ императорской фамиліи; совѣтую имъ изучать этаго необыкновеннаго человека, чтобы отъ него перенять искусство, какъ надо управлять народами и какъ, силою генія и славы, дѣлать для нихъ выносимымъ иго власти.»

Слова Неапольской Королевы о Первомъ Консулѣ.

Разумѣется, никакая похвала не могла такъ польстить Первому Консулу, какъ сужденіе враждебной и побѣжденной королевы, столько-же замѣчательной по своему уму, какъ и по пылкости своихъ страстей.

Папа, который, вмѣстѣ съ Первымъ Консуломъ, только-что совершилъ великое дѣло возстановленія религіи и, несмотря на разныя непріятности, въ этомъ дѣлѣ полагалъ славу своего царствованія, радовался, видя, какъ мало-по-малу приближался къ престолу человекъ, котораго онъ почиталъ самой прочною опорою вѣры противъ святотатственныхъ предубѣжденій вѣка.

Римъ.

Онъ выразилъ ему свое удовольствіе съ совершенно отеческимъ увлеченіемъ.

Наконецъ, Испанія, которую легкомысленная и безсвязная политика фаворита удалила было на минуту отъ Франціи, также не осталась безчувственной при этомъ случаѣ; она показывала, что чрезвычайно довольна событіемъ, которое, согласно со всѣми остальными дворами, почитала чрезвычайно счастливымъ для всей Европы.

Испанія.

И такъ, этотъ исцѣлитель столькихъ золъ, этотъ творецъ столькихъ благъ, при рукоплесканіяхъ цѣлаго міра овладѣлъ новою властію, въ которую облекла его нація. На него смотрѣли, какъ на настоящаго государя

Франція. Иностранные посланники, говоря о немъ съ французскими министрами, употребляли тѣже почтительныя выраженія, которыя употреблялись обыкновенно въ дипломатическихъ разговорахъ, когда рѣчь шла о короляхъ. Придворный этикетъ былъ уже почти-монархическій. Французскіе посланники облеклись въ зеленые мундиры, цвѣтъ Перваго Консула.

Все это находили очень простымъ, естественнымъ, необходимымъ. Это всеобщее, единодушное согласіе на быстрое и чрезвычайное возвышеніе генерала Бонапарте, было совершенно искреннее. Правда, иногда примѣшивались тутъ и тайныя опасенія; но, во всякомъ случаѣ, ихъ благоразумно скрывали.

Дѣйствительно, въ этомъ возвышеніи Перваго Консула можно было предвидѣть его честолюбіе, а въ честолюбіи его-близкій позоръ Европы; но только самые ясновидящіе умы могли проникать такъ глубоко въ будущее, а они-то именно и чувствовали лучше всѣхъ необъятное благо, разлитое уже надъ Франціею консульскимъ правленіемъ.

Первыя послѣдствія
мира, въ Англіи.

Впрочемъ, поздравленія—вещь мимолетная; дѣла вскорѣ налегаютъ на существо правительствъ также, какъ и на существо частныхъ людей—всею своею тяжестью и непрерывностію.

Въ Англіи начинали чувствовать первыя послѣдствія мира. Послѣдствія эти, какъ и всегда почти бываетъ въ дѣлахъ міра сего, не вполне соотвѣтствовали надеждамъ.

Триста англійскихъ кораблей, отправленныхъ разомъ въ разные французскіе порты, не могли продать всего своего груза, потому-что привезли товары, запрещенные по законамъ Революціи.

Трактатъ 1786 года, открывъ весьма неосмотрительно всѣ французскіе рынки для британскихъ произведеній, уронилъ въ короткое время французскую промышленность, въ особенности, хлопчатобумажныя издѣлія.

Со времени возобновленія войны запретительныя мѣры, принятыя революціоннымъ правительствомъ, послужили началомъ жизни для французскихъ мануфактуръ, которыя, среди самыхъ ужасныхъ политическихъ конвульсій, снова принялись за дѣло и достигли до замѣчательнаго развитія.

Первый Консулъ, какъ мы уже разъ сказали, при

заключеніи предварительныхъ Лондонскихъ статей, не рѣшился измѣнить этого положенія дѣлъ, боясь возобновить зло, происшедшее отъ трактата 1786 года.

Поэтому привозъ англійскихъ товаровъ сдѣлался весьма затруднительнымъ и торговцы Лондонской Сити на это горько жаловались.

Впрочемъ, оставалось еще средство, контрабанда, которую производили въ огромныхъ количествахъ, частію, чрезъ плохо защищенныя границы Бельгіи, частію чрезъ Гамбургъ.

Дѣятельность
англійскихъ ма-
нуфактуръ.

Торговцы этого города, распространяя англійскіе товары по Европѣ, скрывали ихъ происхожденіе и чрезъ то доставляли имъ возможность проникать во Францію и во всѣ земли, находившіяся подъ ея владычествомъ. Такимъ образомъ, несмотря на законныя запрещенія, ожидавшія англійскія произведенія въ портахъ Франціи, контрабандная торговля открывала имъ обширные пути для сбыта. Мануфактуры Бирмингемскія и Манчестерскія работали съ величайшею дѣятельностію.

Эта дѣятельность, вмѣстѣ съ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ и объявленіемъ объ уничтоженіи налога на доходы (income tax), составляли предметъ удовольствія, которое до нѣкоторой степени служило противодѣйствіемъ ропоту высшаго торговаго сословія. Но ропотъ этотъ былъ силенъ, потому-что высшее торговое сословіе не находило выгодъ въ спекуляціяхъ, основанныхъ на контрабандѣ.

Бездѣйствіе и
неудовольствіе
высшаго торго-
ваго класса.

Для него моря были покрыты соперническими или враждебными кораблями; оно было лишено монополіи мореплаванія, доставленной войною, и въ вознагражденіе ему оставались однѣ огромныя финансовыя операціи Питта.

Вслѣдствіе этого, высшее купечество громко вопіяло противъ мечтательныхъ выгодъ политики мира, противъ ущерба, нанесеннаго ею Англіи и преимуществъ, предоставленныхъ Франціи.

Флотъ былъ разснащенъ; онъ оставилъ въ бездѣйствіи огромное число матросовъ, которыхъ британская торговля, въ настоящемъ своемъ положеніи, не въ состояніи была занять. Несчастные бродили толпами по берегамъ Темзы, нерѣдко въ нищенскихъ рубищахъ; это зрѣлище было столь же прискорбно для англичанъ,

какъ было бы прискорбно для французовъ видѣть, что герон Маренго или Гогенлиндена просятъ милостыню по улицамъ Парижа.

Аддингтонъ, постоянно одушевляемый дружественнымъ расположеніемъ, далъ почувствовать Первому Консулу, что надо бы придумать какую нибудь торговую сдѣлку, удовлетворительную для обоихъ народовъ, и даже объявилъ, что это единственное средство, могущее упрочить миръ.

Первый Консулъ, раздѣляя мысль Аддингтона, рѣшился выбрать агента и отправить его въ Лондонъ для присканія, вмѣстѣ съ англійскими министрами, какого нибудь способа примирить выгоды обѣихъ націй, не принося въ жертву французскую промышленность.

Но это была весьма трудная задача.

Расположеніе общественнаго мнѣнія ко всему, что касалось до торговыхъ сдѣлокъ было такъ сильно въ Лондонѣ, что пріѣздъ французскаго агента надѣлалъ много шума.

Имя его было *Кокеберъ*, его прозвали — *Кольберомъ*; говорили, что онъ потомокъ великаго Кольбера и всѣ хвалили выборъ, сдѣланный французскимъ правительствомъ для заключенія торговаго трактата.

Затрудненія
составить какую
нибудь коммер-
ческую сдѣлку
между Англіею
и Франціею.

Несмотря на желаніе и способности этого агента, нельзя было ожидать счастливыхъ послѣдствій отъ его усилій.

Съ обѣихъ сторонъ требовались большія и почти невознаградимыя пожертвованія.

Выдѣлка желѣза и произведенія хлопчато-бумажныя составляютъ нынѣ самую прибыльную промышленность Англіи и Франціи и въ то же время предметъ ихъ торговаго соперничества.

Французы выучились выковывать желѣзо, прядь и ткать бумагу въ огромныхъ количествахъ и по весьма низкимъ цѣнамъ, и, разумѣется, они вовсе не расположены пожертвовать этими двумя промыслами. Въ то время, выковка желѣза была незначительна. Тогда обѣ націи преимущественно соперничали въ бумажной пряжѣ и въ мелкихъ стальныхъ издѣліяхъ.

Англичане требовали, чтобы Франція открыла свои порты для ихъ бумажныхъ и стальныхъ произведеній.

Первый Консулъ, внемля жалобамъ французскихъ фабрикантовъ и желая поскорѣе развить во Франціи мануфактурное богатство, не хотѣлъ сдѣлать никакой уступки, могущей помѣшать его патріотическимъ видамъ.

Англичане, съ своей стороны, въ то время также мало были расположены поощрять специальную производительность Франціи, какъ и нынѣ.

Французамъ хотѣлось ввозить въ Англію свои вина и шелковыя издѣлія. Англичане на это не соглашались по другимъ причинамъ: во первыхъ, потому-что они обязались преимущественно допускать ввозъ португальскихъ винъ; во вторыхъ, потому-что желали поощрить шелковое производство, которое уже начинало развиваться въ Англіи. Въ то время, какъ пресеченіе сообщенія между обоими государствами дало ходъ бумагопрядильнямъ во Франціи, оно распространило также шелковыя мануфактуры въ Англіи.

Правда, хлопчатобумажная промышленность чрезвычайно сильно развилась во Франціи, потому-что все способствовало тамъ къ ея полному успѣху; шелковая же промышленность Англіи, напротивъ, была очень посредственна, отчасти вслѣдствіе самаго климата, отчасти-же вслѣдствіе недостатка изящества во вкусѣ англичанъ.

Однакожъ, не взирая на то, англичане не хотѣли пожертвовать французамъ ни Метюнскимъ трактатомъ, связывавшимъ ихъ съ Португаліею, ни своей рождающеюся шелковою промышленностію, которая внушала имъ великолѣпныя надежды.

Согласить такіе интересы было дѣломъ почти невозможнымъ.

Предложили было опредѣлить, на границахъ обоихъ государствъ, при ввозѣ товаровъ, пошлины, соотвѣтствующія штрафамъ, налагаемымъ на контрабанду, чтобы чрезъ то сдѣлать торговлю свободною и полезною для казны, тогда, какъ она теперь приносила пользу однимъ контрабандистамъ. Это предложеніе привело въ ужасъ и французскихъ и англійскихъ мануфактуристовъ.

Впрочемъ, Первый Консулъ, убѣжденный въ томъ, что для великихъ результатовъ необходимы сильныя

средства, и почитая тогдашнюю хлопчато-бумажную промышленность главною и для всѣхъ завидною промышленностію, хотѣлъ поощрить ее рѣшительнымъ запрещеніемъ на всѣ произведенія соперниковъ.

Способъ, придуманный для примиренія двухъ соперничающихъ промышленностей, Франціи и Англіи.

Для избѣжанія этихъ затрудненій, французскій агентъ придумалъ систему, обольстительную съ перваго взгляда, но въ сущности, почти-что неисполнимую.

Онъ предложилъ допускать во Францію всѣ англійскія произведенія, какія-бы они ни были, съ самой легкой пошлиною, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы корабль, который привезъ ихъ, нагружался-бы въ обратный путь на точно такую-же сумму французскими товарами.

Тоже правило должны были соблюдать и французскіе корабли, пристающіе къ англійскимъ берегамъ.

Эта выдумка могла служить поощреніемъ для народной промышленности Франціи, въ той-же самой мѣрѣ, въ какой она принесла бы пользу англійскимъ мануфактурамъ. Кромѣ того, въ этой комбинаціи заключалась другая выгода: именно та, что у англичанъ отнимался одинъ изъ способовъ ихъ вліянія, изъ котораго, благодаря своимъ огромнымъ капиталамъ, они въ нѣкоторыхъ государствахъ дѣлали весьма опасное употребленіе.

Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что англичане вѣрили въ долгъ народамъ, съ которыми вели торговлю, дѣлались, такимъ образомъ, ихъ кредиторами на значительныя суммы и, вслѣдствіе того, присвоили себѣ вліяніе на ихъ торговлю.

Такъ поступали они въ Россіи и въ Португаліи. Они сдѣлались владѣльцами части капиталовъ, бывшихъ въ обращеніи въ этихъ двухъ государствахъ. Отпуская товаръ въ кредитъ, они обезпечивали сбытъ своихъ произведеній и пріобрѣтали себѣ то преимущество, которое ссуждающей всегда имѣетъ надъ тѣмъ, кто беретъ займы.

Предлагаемая комбинація, которая имѣла цѣлью заключить англійскую торговлю въ нѣкоторыя границы, къ несчастію, представляла такія затрудненія, что ее рѣшительно нельзя было принять. Между тѣмъ, она занимала умы и порождала надежду, что еще какъ-нибудь да поладятъ.